

А. М. Скабичевский

<Сочинения А. Скабичевского>

В 2 т. Т. 1.-940 с. СПб., 1903. Стб. 210-213

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Для общества, при его крайней дикости было немаловажным прогрессом уже и то, что оно после высокопарно-громких од, поэм и трагедий с завываниями, настраивавшими сердца читателей постоянно на патриотически-торжественный лад, начало зачитываться еще при Екатерине переводными романами Ричардсона, Клариссой¹⁴, Памелой и Грандисоном, чувствительным путешествием Стерна¹⁵ и сентиментальными сочинениями Бакюляр Арно,¹⁶ вместе с этим на театре начали появляться мещанские чувствительные драмы. Все эти теперь давно забытые произведения читались когда-то с таким же страстным увлечением, с каким ныне читаются романы Шпильгагена¹⁷. Молодые люди и барышни начали бредить Элоизами¹⁸, Памелами,¹⁹ называть друг друга Агатоны²⁰, Эльвирами²¹ и пр. Жизнь начала делиться на две противоположные половины: на скучную, обыденную прозу, к которой начали относить всю будничную практику жизни, и божественную поэзию, заключающуюся в сладкой чувствительности, таинственной симпатии сердец и мечтательном упоении природой. Пролить умильные слезы на благоухающий букет цветов, глядя на закат солнца, или бродить по берегу пруда, в котором утопилась бедная Лиза, и рыдать о ее злосчастной судьбе считалось в то время таким же прогрессом, каким в настоящее время считается делать ботанические экскурсии или устраивать женский труд, и как ни приторна, как ни искусственна кажется нам сентиментальность современников Карамзина, в свое время она было прогрессом: молодые люди, занимавшиеся умильными вздыханиями, заливавшиеся беспрестанно слезами и сажавшие цветы на гроб своего друга Агатоны или возлюбленной Батильды, были во всяком случае и гуманнее, и развитее тех юношей предшествовавшего поколения, которые, едва научившись подписывать фамилии, из-под ферулы дьячка или темного выходца из Франции записывались в полк и делались развратными петиметрами в свете и рабски принижеными исполнителями по службе. Сентиментальность послужила первым зародышем романтического движения в нашем обществе. В ней вы видите, с одной стороны, дуализм, основанный уже не на теологической догматике средних веков, требующей мрачного, аскетического подавления страстей, а, напротив того, на признании высшим нравственным идеалом свободных влечений сердца; с другой стороны, мы видим здесь первое развитие того индивидуализма, который составляет один из существенных элементов романтизма.

Представителем этой фазы развития нашего общества является Карамзин, и в нем мы видим вполне дитя своего времени. Напрасно станете вы искать в нем каких-либо зрелых и последовательных политических или философских убеждений. Вы найдете у него во всех этих отношениях одну только сентиментальную риторику, в которой вас поразит эклектический оптимизм, оправдывающий всевозможные формы общественного и политического быта, лишь бы только они основывались на добрых нравах; к этому ко всему приправлено искание мудрой умеренности и золотой середины, и все это вдобавок разукрашено узким квасным патриотизмом и консерватизмом того трусливого свойства, который готов сочувствовать всевозможным реформам, но, за недостатком просвещения, не находит возможности в немедленном их осуществлении и потому желает отложить их в долгий ящик. Такой бесхарактерный эклектизм не был личной принадлежностью Карамзина. Вспомним, что Карамзин получил образование в кружке Новикова²², в котором сомневались еще, что земля ходит вокруг солнца; отсутствие каких-либо последовательных и систематических убеждений было не его только личным недостатком, а общей характеристической чертой его века, и Карамзин не понимал того, чего не понимало большинство его современников. Но совершенно в ином виде представляется он вам, если вы, откинувши в сторону все его политические взгляды, посмотрите на него, как на моралиста. Здесь перед вами откроется светлая сторона его деятельности, и вы увидите в нем прогрессиста, имевшего немаловажное значение в свое время. Он первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать и свободу страстей, и право человека на земное счастье. В этом отношении "Разговор о счастии" (1797 г.) составляет эпоху в развитии нашей мысли. В этом сочинении впервые провозглашается, что всякий человек имеет право на счастье; счастье же заключается в тех удовольствиях, которые доставляют нам страсти, дарованные нам природой для наслаждения жизнью;